

русской речи американцев и немцев) // Проблемы межкультурной коммуникации: Межуз. сб. науч. трудов. Иваново, 2000. С. 89–99.

Васильева Л. А., Тананайко С. О. Сочетания согласных в русской речи иностранцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 2000. Вып. 3 (№ 18). С. 56–66.

Васильева Л. А., Тананайко С. О., Шерстинова Т. Ю. Интернет-технологии и изучение звуковых изменений // Технологии современного общества – Интернет и современное общество: Труды VI Всероссийской объединенной конференции. СПб., 2003. С. 45–47.

Вольская Н. Б., Тананайко С. О. Экспериментально-фонетические методы в контрастивных исследованиях (на материале русского, коми и ненецкого языков) // Рабочие тетради по компаративистике. Вып. 1: Сравнительные исследования в социальных и гуманитарных науках: Методология и история. СПб., 2001. С. 79–80.

Скредин П. А., Шербаков П. П. Требования к современной фонетической базе данных для фундаментальных и прикладных исследований // Технологии современного общества. С. 62–63.

Тананайко С. О. Акустические характеристики гласных после мягких согласных в условиях интерференции родственных языков (на материале русской речи поляков) // Сложные гласные. Улан-Удэ, 2001. С. 134–144.

Тананайко С. О. Русские говоры в неславянском окружении: Проблемы фонетической интерференции // Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований / Под ред. Л. А. Вербичкой, В. В. Васильковой, В. В. Козловского, Н. Г. Скворцова. СПб., 2001. С. 173–185.

О. Н. Фокина

ПАМЯТНИКИ НОВОЙ ГОРОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СИСТЕМЕ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ XVII ВЕКА

В русской литературе XVII в. происходит расширение социального круга авторов и читателей, расширение круга персонажей и тематики произведений¹. Появляется новый вид демократической литературы, по преимуществу посадской². В. П. Адрианова-Перетц связывала новую городскую литературу с определенной социальной средой “площадных подьячих”, “плебейской” части духовенства, приказными служащими, посадскими и сельскими грамотеями³.

Как и в период средневековья, в XVII в. новые произведения переписывались в сборниках, где старая традиция сохраняла актуальность. Новая городская литература критически пересматривала старые ценности, в ряде случаев была оппозиционна традиции. В этой связи проблема рецепции новых произведений в системе сборника приобретает особый интерес: каким

образом иные в идеологическом и эстетическом планах произведения появлялись в традиционном контексте, и как они сосуществовали с другими статьями сборника?

Сборников XVII в. с памятниками новой городской литературы сохранилось немного, все они, за редким исключением, относятся к концу XVII — началу XVIII в. Известны три списка с "Повестью о Ерше Ершовиче", два списка с "Шемякинским судом"⁴. К 1663 г. относится самый ранний список "Азбуки о голом и небогатом человеке"⁵; в одном списке XVII в. дошли до нас "Послание дворительное недругу", "Калязинская челобитная", "Сказание о куре и лисице"⁶, "Сказание о крестьянском сыне" (кон. 20-х — нач. 30-х гг. XVII в.)⁷, "Послание сына, "от наготы гневнаго", к отцу" (нач. XVII в.)⁸, стих "О дьяконовой поминке и о кутии"⁹. "Повесть о бражнике" сохранилась в двенадцати сборниках XVII в.¹⁰

Небольшое количество списков XVII в. свидетельствует о том, что городская литература была явлением новым и не получила еще широкого распространения. Гораздо больше списков этих повестей сохранилось в сборниках XVIII в., когда рукописная литература стала областью народного чтения. Не всегда новые произведения переписывались в сборниках, встречаются списки и в отдельных тетрадах. Адаптация новых произведений в традиционном контексте рукописного сборника была далеко не однозначной и в ряде случаев приводила к изменению смысловых акцентов текста.

Примером неоднозначной трактовки смысла произведения в зависимости от контекста является литературная история "Повести о бражнике"¹¹. Главный герой повести — грешник, побеждает в споре со святыми и входит в рай. В европейских литературах и фольклоре известен ряд произведений о том, как герой низкого происхождения (виллан, крестьянин, мельник, ландскнехт¹², Отшельник¹³) после словопрения со святыми попадает в рай. Общая сюжетная схема построения этих повестей позволяет предположить, что автор русской повести был знаком с каким-то ныне не установленным источником. Характерное для протестантской литературы вольное отношение к церковным авторитетам, "снижение" сакрального до бытового, свойственная городской литературе плутовская мораль (ловкость, удачливость и напор) также нашли отражение в русской повести, хотя и не в такой яркой форме, как в немецкой народно-городской литературе¹⁴. В. П. Адрианова-Перетц подчеркивала связь повести с отечественной традицией, поскольку повесть

противопоставлена русской религиозно-дидактической литературе¹⁵. На связь с русской традицией указывает также и то, что конфликт в повести трактуется в аспекте традиционной для древнерусской литературы темы греха и воздаяния. Кроме того, в интерпретацию темы повести внесли свою лепту русские апокрифы, развивающие темы загробной жизни, греха, воздаяния и покаяния, связь с апокрифами подчеркивает и система цитирования¹⁶. Сопряжение традиционной темы и нового новеллистического сюжета открывало возможность разных трактовок финала.

В XVII в. выделяется шесть редакций повести, которые в свою очередь распадаются на две группы в зависимости от завершающего эпизода. В первой группе есть мотив "о лучшем месте": грешник (бражник) не только вошел в рай, но и "сел в лучшее место". На вопрос святых отцов, почему он это сделал тогда, когда святые прежде него вошли в рай, но к тому месту не смели приблизиться, ответил сам господь Бог: "Яко не умели с бражником говорить, господине бражник наш человек, не прикасайтесь к тому месту и ныне"¹⁷. В редакциях второй группы такого мотива нет, бражник входит в рай, и на этом повесть завершается.

Все редакторские изменения текста в той или иной степени связаны с составом сборников¹⁸. В сборниках XVII в. "Повестью о бражнике" окружают произведения учительной литературы, апокрифы, жития, исторические статьи, светские повести, встречаются статьи из области космографии, географии, астрологии, молитвы. В большинстве из них можно обнаружить циклы, в которые переписывалась "Повесть о бражнике" в зависимости от аспекта, выделенного составителем ансамбля. В редакциях первой группы повесть в составе циклов предстает произведением о находчивом, "премудром" герое, необычном происшествии, имеет сказочно-новеллистический статус. В редакциях второй группы определяющим основанием для включения в цикл являлись усиленные апокрифические и привнесенные в повесть назидательные мотивы, возникшие под влиянием окружения в сборнике, а также форма диалога-спора. "Неоднозначность" главного героя (бражник, но прославляющий Бога) и связанная с этим идея возможности искупления греха тем, кому "в рай нехотимо", также открывают возможность интерпретации смысла. Жанровая модификация каждой редакции определяется циклом, за которым стоит составитель сборника (редактор) и читатель. Объединяющим началом в цикле может выступать тема, манера изложения (стиль), жанр произведения. Таким образом,

в сборниках XVII в. не только предмет изображения (как это происходило в сборниках средневековых), но и сугубо литературные критерии начинают играть роль в образовании цикла, а сами циклы в сборниках XVII в. формируют концепцию сборника в целом.

Отмеченные закономерности отношений нового текста к традиционному контексту прослеживаются и в сборниках XVII в. с другими произведениями городской литературы. Сборник РГБ ф. 304 № 808 (1008) середины XVII в., содержащий "Послание дворительное недругу" по виду и составу можно отнести к монастырскому сборнику (он включает слова, притчи, поучения, исповедание иноческое и т.п. статьи). Судя по записи, он принадлежал дьякону. Сборник переписан беглой скорописью и полууставом, переходящим в скоропись, небрежными почерками, последняя часть сборника "Писма и надписания" (образцы посланий), переписанная одним почерком, завершается "Посланием дворительным недругу", которое никак внешне от текста сборника не отличается.

"Азбука о голом и небогатом человеке" в списке 1663 г. была переписана "в сборной рукописи, в составе скорописной азбуки-прописи"¹⁹.

Фрагмент "Сказания о крестьянском сыне" 1620 г. известен в составе прописей попа Тихона, сопровождающих скорописную учебную азбуку²⁰. «Сказание о крестьянском сыне" было использовано составителем Азбуки (попом Тихоном?) в назидательных целях: в "Прописи" был включен лишь начальный фрагмент повести — до пародирования религиозных текстов, в результате — герой плутовской новеллы выступает в качестве отрицательного примера — в роли своеобразного "блудного сына". Об этом свидетельствует текст и в самом конце "прописей", где тема заимствованного фрагмента из "Сказания" повторяется в очевидном дидактическом контексте...»²¹.

"Послание сына, "от наготы гневнаго", к отцу" переписано в составе Азбучного письмовника и повторяет все этикетные формулы эпистолярного жанра²².

"Стих о жизни патриарших певчих" переписан в сборной рукописи, содержащей духовные и покаянные стихи, которые названы "псалмами". Сам стих назван в рукописи "иная псалма"²³. Ср. "Повесть о бражнике" (в сборнике РНБ ОЛДП Q.XVIII также имеет название "О пьянстве ино").

Приведенные примеры указывают на связь повестей с деловой письменностью и позволяют сделать вывод: на раннем этапе

бытования в рукописной традиции новые произведения городской литературы включаются в сборники (циклы) по принципу тематического и жанрового подобия. Сочетание старой формы и нового содержания приводит к созданию жанровых оксюморонов ("Служба кабаку", "Лечебник на иноземцев"). В традиционном контексте сборника такие произведения функционально приобретают свойства пародии, поскольку сам контекст играет роль "второго плана", необходимого условия пародии как жанра. Примерами таких перевоплощений являются упомянутые выше "Послания..." в циклах образцов писем, "Стих о жизни патриарших певчих" в цикле "псалм", "Повесть о бражнике" под названием "О пьянстве ино" в цикле учительных слов против пьянства. Можно предположить, что и "Служба кабаку" также относится к подобным примерам, в сборнике ГИМ № 3859 первой половины XVIII в. она переписана в цикле учительных статей о пьянстве²⁴.

Подобные произведения в контексте сборника относятся к характерным проявлениям корпоративного остроумия (приказных, низшего клира). Пародийное переосмысление привычных жанровых канонов приводит к созданию циклов-оксюморонов, разрушающих традиционную монологическую парадигму сборника. В системе сборника возникают качественно иные отношения: диалогические и (или) полемические, свидетельствующие о значительных переменах в самой системе литературы, о появлении нового отношения к литературе как занимательному чтению.

¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили // Д. С. Лихачев. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 195.

² Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира. М., 1977; См. также: Мочалова В. В. Мир наизнанку. Народно-городская литература Польши XVI–XVII вв. М., 1985.

³ Адрианова-Перетц В. П. Там же. С. 124.

⁴ Адрианова-Перетц В. П. Там же. С. 144–147.

⁵ Демкова Н. С. Дополнения // В. П. Адрианова-Перетц. Там же. С. 236–237.

⁶ Адрианова-Перетц В. П. Там же. С. 150–151, 158, 160.

⁷ Демкова Н. С. Фрагмент из "Сказания о крестьянском сыне" в записи 1620 г. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 172–175.

⁸ Демкова Н. С. Указ. соч. С. 238.

⁹ Там же. С. 239.

¹⁰ Фокина О. Н. Археографический обзор списков "Повести о бражнике" // Русская книга в дореволюционной Сибири: Фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек. Новосибирск, 1988. С. 137–164.

¹¹ Фокина О. Н. Литературная история "Повести о бражнике" и проблемы народной книги. Новосибирск, 1995.

¹² Веселовский А. Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада // ЖМНП. 1888. Ноябрь. С. 87–116; Он же. Очерки истории романа, новеллы, народной книги и сказки. СПб., 1883. С. 192.

¹³ Фокина О. Н. Литературная история "Повести о бражнике" и проблемы народной книги. Новосибирск, 1995. С. 61–87.

¹⁴ Фокина О. Н. Мотив обретения рая в немецкой и русской литературе XVI–XVII вв. // Книга и литература: Сб. науч. статей НГУ и ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 1997. С. 237–249.

¹⁵ Адрианова-Перетц В. П. Указ. соч. С. 214–215.

¹⁶ Фокина О. Н. Литературная история "Повести о бражнике"... С. 75–86.

¹⁷ Там же. С. 29.

¹⁸ Фокина О. Н. Литературная история "Повести о бражнике"... С. 56.

¹⁹ Демкова Н. С. Указ. соч. С. 236.

²⁰ Там же. С. 237.

²¹ Там же. С. 238.

²² Там же.

²³ Там же. С. 241.

²⁴ Адрианова-Перетц В. П. Указ. соч. С. 156.

В. А. Козьмин, И. В. Семенов, А. Ю. Чистяков

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ XX ВЕКА
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Устная история является новым направлением в исторических исследованиях, возникшим в результате осознания недостатков письменных источников, не отражающих многие исторические факты повседневной жизни людей, а также отношение общества и отдельного индивида к тем или иным событиям прошлого. Зачастую история, "написанная" учеными на основе письменных документов, способна отразить лишь общие тенденции и закономерности. Изучение истории на микроуровне – через призму сознания реальных людей, делает возможным формирование нового взгляда на закономерности исторического процесса. Как отмечал автор теоретического труда "Устная история. Голос прошлого" П. Томас, "в некоторых областях устная история позволяет не только изменить угол зрения, но и открыть новые важные направления для исследования"¹. На западе, начиная с 1970-х гг., ученые широко используют методы устной истории